

УДК 94(38).08

РЕКРЕАЦИОННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОПИУМА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ: ФРАГМЕНТ I ПАРМЕНОНА ИЗ ВИЗАНТИЯ (PARMENO I)

RECREATIONAL CONSUMPTION OF OPIUM IN HELLENISTIC WORLD: PARMENON FROM BYZANTIUM'S I FRAGMENT (PARMENO I)

А.М. Беликов, В.П. Крысанов

A.M. Belikov, V.P. Krysanov

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
Россия, 188662, Ленинградская область, пос. Мурино, ул. Лесная, д. 2

The Leningrad Regional Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry of the Interior of Russia,
2 Lesnaya St., Leningrad Region, Murino Settlement, 188662, Russia

E-mail: arseniyb@mail.ru, klondiken@yandex.ru

Аннотация. В I фрагменте эллинистического ямбографа Парменона из Византия сильное алкогольное опьянение сравнивается с последствиями употребления опиума. В данной статье поднимается вопрос: означает ли это, что греки эллинистического периода употребляли опиум в рекреационных целях? Анализ свидетельств Теофраста, Диоскорида, Плиния, Никандра и ряда других авторов показывает, что в IV–III вв. до н. э. к опиуму относились как к опасному яду, который использовался, в частности, для самоубийств. Практика рекреационного употребления данного вещества если и существовала, то была маргинальным явлением, которое не оставило следа в дошедших до нас источниках.

Abstract. In the 1st fragment of Hellenistic iambographus Parmenon from Byzantium heavy alcohol drunkenness is compared with effects of opium consumption. In the article is considered the question does it mean that Hellenistic Greeks consumed opium for recreational purposes? Analysis of evidence provided by Theophrastus, Dioscorides, Pliny, Nicander and some other authors demonstrates that in the 4th and 3rd centuries B.C. opium was considered as dangerous poison which was often used for suicides. Practice of recreational consumption if ever existed was a marginal phenomenon which didn't leave traces in the available sources. Of course, given the relative availability of opium in the ancient world and the Greeks' awareness of the psychoactive properties of some plant-derived substances, one cannot deny the possibility that some individuals could use opium for recreational purposes and even probably acquired some form of dependence on it. However, even if such practices existed, they were a rare and marginal phenomenon that left no traces in the sources that have come down to us.

Ключевые слова: опиум, опийный мак (*papaver somniferum L.*), Парменон из Византия, употребление психоактивных веществ в эллинистическом мире.

Keywords: opium, opium poppy (*papaver somniferum L.*), Parmenon from Byzantium, consumption of psychoactive substances in the Hellenistic world.

В пятой книге «Пира мудрецов» Афиней (Athen. V, 221 a–b) один из участников застолья, ритор Ульпиан, прерывает затянувшееся молчание пирующих, цитируя ямбического поэта Парменона из Византия:

ἀνὴρ γὰρ ἔλκων οἶνον ὡς ὕδωρ ἵππος
Σκυθιστὶ φωνεῖ, οὐδὲ κόππα γινώσκων
κεῖται δ' ἀναυδος ἐν πίθῳ κολυμβήσας,
κάθυπνος ὡς μήκωνα φάρμακον πίνων...¹

¹ Текст приводится по изданию: [Diehl, 1964, p. 136].

Муж, поглощающий вино, как лошадь воду,
Кричит по-скифски и ничего не осознает¹...
Лежит безмолвно, погруженный в пифос,
(И) крепко спит, подобно выпивающему снадобье мак...

Таким образом, сон скифа (или же сравниваемого с ним человека), причиной которого стало чрезмерное количество выпитого вина, уподобляется сну, вызванному употреблением снадобья (φάρμακον) из мака.

От Парменона до нас дошло всего лишь четыре маленьких фрагмента (включая приведенный выше текст) [Diehl, 1964, p. 136–137]. Какие-либо подробности его биографии не известны. Наиболее вероятно, что время жизни Парменона пришлось на III в. до н. э., во всяком случае, два его сохранившихся поэтических фрагмента содержат аллюзии на Каллимаха и Александрийскую поэзию: *фр.* 2 напоминает начало «Ямбов» Каллимаха; *фр.* 3 – «О Нил, Египта Зевс!» (Αἰγύπτιε Ζεῦ, Νεῖλε, ...) [Maas, 1949, Sp. 1572; Di Marco, 2000, Sp. 343; Meliadò, 2015, p. 1069–1070, n. 46]².

Парменон был уроженцем города Византия, жители которого в древности считались страшными пьяницами. Например, Клавдий Элиан обвиняет их в том, что они «живут в харчевнях», а также «ведут праздную жизнь из-за попок и вина»³. Поэтому тема, затрагиваемая поэтом в сохранившемся фрагменте – чрезмерное употребление алкоголя, очевидно, была хорошо ему знакома. Из второго стиха не совсем ясно, идет ли речь об этническом скифе, или же, вероятнее, бессвязные крики пьяного лишь сравниваются с варварской скифской речью. И это сравнение не удивительно: у скифов уже с достаточно раннего времени была прочная репутация пьяниц, безобразно напивающихся неразбавленным вином.

Перечень источников, повествующих о скифском пьянстве, обширен. Например, в знаменитом стихотворении Анакреона, сохранившемся у Афиня (Anacr. apud Athen. X, 427 a–b), «скифская попойка» (Σκυθικήν πόσιν), сопровождаемая шумом и воплями, противопоставляется благородной манере питья под гимны. Геродот (Hdt. VI, 84) рассказывает историю о том, как скифы сподобили спартанского царя Клеомена, доведя его до безумия, после чего якобы и вошел в употребление глагол ἐπισκυθίζειν, означающий «пить неразбавленное/слабо разбавленное вино» [ср. Chamel. apud Athen. X, 427 b–c]. В одном пассаже из «Законов» Платона (Lg. I, 637 e), сообщается о том, что скифы и фракийцы не только сами пьют неразбавленное вино, но так же у них поступают и женщины, причем они разливают вино по одежде и считают это прекрасным обычаем [Иванчик, 2005, с. 139; Rogucznik, 2013, p. 710–714].

Почему Парменон сравнивает сильное опьянение вином с последствиями опиумной интоксикации? Означает ли это, что употребление опиума в рекреационных целях практиковалось греками эллинистического периода, современниками Парменона, и что опьянение опиумом было им так же хорошо знакомо, как и опьянение вином?⁴

Доместикация опийного мака (*papaver somniferum L.*), по всей видимости, произошла в Западном Средиземноморье в эпоху неолита (прибл. VI тыс. до н. э.) [Merlin, 2003, p. 302; Zohary et al., 2012, p. 109–111]. Если верна оригинальная гипотеза А. Шерратта, то получаемый

¹ Букв.: «Не знающий (буквы) коппы (или каппы (в рукописной традиции имеются разночтения))»; коппа (ϕ) – вышедшая из употребления буква древнегреческого алфавита). О значении этого словосочетания см.: [Casaubon, Schweighäuser, 1802, p. 265–266; Crusius, 1892, S. 59; Lachmann, Meineke, 1845, p. 145–146; Venezia, 2009, p. 300]. Для объяснения внезапного изменения состояния человека, который сначала «кричит по-скифски», а затем лежит, будучи погруженным в глубокий сон, А. Майнеке предполагает, что Афиней в этом месте пропускает один или два стиха.

² Г. А. Герхард высказывает предположение о том, что Парменон испытал на себе влияние киников [Gerhard, 1909, S. 211–213]. Если оно верно, то мы получаем *terminus post quem* для времени его творчества – сер. IV в. до н. э.

³ См.: Ael. *Var. hist.* III, 14; Theopomp. *Fr.* 62. См. также: [Gerhard, 1909, S. 211–212].

⁴ Например, такое предположение было высказано в провокационной и написанной с пронаркотических позиций работе: [Hillman, 2008, p. 56–87]. См. также негативную рецензию на данную книгу: [Charlier, 2008, p. 29].

из мака опиум мог быть одним из важнейших психотропных веществ, применяемых на территории Западной Европы в эпоху неолита, до открытия процесса брожения и начала связанного с domestikацией плодовых деревьев в Средиземноморье (и на смежных территориях) широкого распространения алкоголя [Sherratt, 2007b, p. 24–28]. Находки *papaver somniferum* L. на территории Балкан отмечаются лишь позднее, в бронзовом веке [Merlin, 2003, p. 303; Zohary et al., 2012, p. 111]. Первым свидетельством того, что древним был известен секрет получения опиума, является найденная в 1937 г. в местечке Гази на Крите статуэтка так называемой «Богини мака», имеющая на своей голове три съёмные броши, выполненные в виде маковых коробочек. Вертикальные бороздки на коробочках, окрашенные в более насыщенный, чем сами коробочки, цвет, передают наиболее распространённый способ извлечения опиума из них путем нанесения надрезов [Kritikos, Papadaki, 1967, p. 23–24].

Упоминания опийного мака в доэллинистических письменных источниках немногочисленны. Первое из них появляется в «Илиаде» Гомера (*Il. VIII, 306–308*), где коробочка опийного мака сравнивается со склоненной головой сына Приама Горгифиона, пораженного стрелой¹. В «Теогонии» Гесиода (*Th. 536*) появляется топоним Мекона (Μήκωνη), являвшийся древним названием города Сикиона (см., напр.: *Str. VIII, 6, 25, St. Byz. s.v. Σικιών*). Этот топоним связан с названием растения мак (EM s.v. Μήκωνη: ... ἐνταῦθα πρῶτον εὔρε τὸν τῆς μήκωνος καρπὸν ἢ Δημήτηρ...). Алкман сообщает о том, что семена мака, наряду с семенами сезама и льна, использовались для украшения хлебов (*Alcm. Fr. 19, subfr. 1, 2* [*Athen. III 111 a*]) [Dalby, 1996, p. 51–52]. В *Гиннократовом корпусе* имеется 30 упоминаний применения опийного мака (гл. обр., различных частей этого растения, но, в некоторых случаях, и опиума), причем 9 из них содержатся в гинекологических трактатах, что предполагает его использование повитухами и менее частое употребление врачами-мужчинами [Scarborough, 1995, p. 5]. Аристотель называет мак среди веществ и растений, вызывающих сон, наряду с мандрагорой, вином и плевелом опьяняющим (*Arist. Somn. Vig., 456 b, 30*)².

Приблизительно в 70-е годы I в. н. э. римский врач Педаний Диоскорид создал один из важнейших трудов в истории медицины – «О лекарственных растениях» (*De materia medica*). В *De materia medica IV, 64* он проводит первое и, пожалуй, наилучшее обобщение того, для чего применялся опиум в эллинистической и римской терапевтике [Scarborough, 1995, p. 5–6]. Его труд хронологически представляет собой связующее звено между медициной эпохи империи и более ранним наследием эллинистических врачебных практик. Диоскорид цитирует труды своих предшественников: Эрасистрата (по всей видимости, врача при дворе Селевка I Никатора ок. 293 г. до н. э.) [Fraser, 1969, p. 518–537; Lloyd, 1975, p. 172–175; Von Staden, 1989, p. 46–48] (см. также чуть более позднюю датировку времени его жизни: [Von Staden, 1989, p. 46–48]), Диагора³, Андрея (придворный врач Птолемея IV Филопатора, убитый в 217 г. до н. э.) [Wellmann, 1894, Sp. 2136–2137; Von Staden, 1989, p. 472–477] и Мнесидема⁴, давая, таким образом, беглый обзор эллинистической литературы по фармацевтическому применению опийного мака и его млечного сока. Сопоставление сообщений об опиуме в *Historia naturalis* Плиния Старшего (*HN, XX, 200*) и в *De materia medica* показывает, что они имеют общий источник информации (при этом у нас нет данных о том, что Плиний знал работу Диоскорида, или наоборот). По

¹ С опиумом также обычно связывается «...снадобье, ..., утоляющее страдания, разгоняющее желчь, дающее забвение всем бедам...», упоминаемое в «Одиссее» (*Od. IV, 220–234*). См., напр.: [Scarborough, 1995, p. 4]. Это гомеровское сравнение склоненной головы убитого с коробочкой мака позднее использовал Стесихор при описании смерти Гериона (*Stesich. Fr. S 15*) [Segal, 1985, p. 149].

² Сок мака также упоминается в псевдо-аристотелевском трактате «О цветах» (*Arist. Col. 796 a, 26*).

³ М. Велльманн [Wellmann, 1903, Sp. 311] отождествляет данного медика с Диагором Кипрским и относит к III в. до н. э. Он предполагает, что Диагор цитирует Эрасистрата: Ἐρασίστρατον μὲντοι Διαγόρας φησὶν ἀλοδοκᾶσθαι..., однако, в рукописях Диоскорида имеются разночтения – имя Эрасистрата может стоять в Nom., а Диагора – в Acc. В таком случае окажется, что Эрасистрат цитировал Диагора, и, следовательно, жил позднее него [Wellmann, 1906, p. 220–221].

⁴ По всей видимости, Мнесидем, о котором сообщает Диоскорид, и Мнесид, упоминаемый Плинием – одно и то же лицо [Deichgräber, 1932a, Sp. 2275; Deichgräber, 1932b, Sp. 2275].

крайней мере, очевидно, что такие данные были известны из научной литературы в I в. н. э. [Scarborough, 1995, p. 6]¹ Эрасистрат и Диагор отвергали использование опиума, расценивая его в качестве смертельного яда, погружающего в сон и повреждающего зрение. При этом Андрей сообщает, что опиум мгновенно не ослепляет натирающих им глаза лишь из-за того, что в Александрии его часто подделывают. Мнесидем также отмечает, что опиум вреден, и единственный способ его использования – вдыхание для сна (μόνη αὐτοῦ εἶναι χρῆσιν τὴν κατὰ ὄσφρησιν εἰς ὕπνον ἀρμόζουσαν – очевидно, вдыхание запаха (?)).

Анализ наших немногочисленных источников дает основание предположить, что опиум в IV–III вв. до н. э. считался опасным и ядовитым веществом, о целесообразности использования которого в медицинских целях шли споры. Возможно, эти споры и стали причиной того, что Теофраст не стал упоминать о свойствах опийного мака в своем перечне лекарственных растений в IX книге *Historia plantarum* (Thphr. *HP IX*, 8–XX) [Scarborough, 1995, p. 6]². В *Historia plantarum* речь о соке мака идет трижды (Thphr. *HP I*, 12, 2; *IX*, 8, 2; *IX*, 16, 8), причем в последнем случае Теофраст сообщает о мантинейце Фрасии, который изобрел некое средство, делающее смерть легкой и безболезненной – в его состав входил сок болиголова (*conium L.*), мака и других растений. Следует отметить, что Теофраст также описывает практику употребления болиголова в качестве яда для самоубийства на острове Кеосе (Thphr. *HP IX*, 16, 9). О точно таком же обычае кеосцев рассказывает автор II в. до н. э. Гераклид Лемб (Heraclid. Lemb., *XXIX*), добавляя, что помимо болиголова они использовали для этого опийный мак. Об этой же кеосской традиции сообщают Элиан (Ael. *VH III*, 37) и Стефан Византийский (St. Byz. *s.v.* Ἰουλίς). Следовательно, одной из причин неприятия опиума в качестве лекарственного средства эллинистической медициной могла стать эта, очевидно, хорошо известная практика его использования в качестве яда. В этой связи обращают на себя внимание сведения о том, что медик Эрасистрат, отвергавший использование опиума в медицинских целях, по некоторым данным, был уроженцем острова Кеоса (см., напр: St. Byz. *s.v.* Ἰουλίς; Suda. *s.v.* Ἐρασίστρατος) и, таким образом, прекрасно знал об упомянутом обычае, который, вероятно, стал причиной негативного восприятия данного вещества ученым.

Реалистичное и подробное описание отравления опиумом и способов борьбы с ним приводит эллинистический поэт Никандр из Колофона в своей дидактической поэме о ядах и антидотах к ним «Ἀλεξιφάρμακα» (Nic. *Alex.* 433–464). Время жизни и творчества Никандра – вопрос дискуссионный. Источники допускают возможность помещения даты написания его поэм в достаточно широком временном диапазоне: от правления Птолемея II Филадельфа (282–246 гг. до н. э.) до Аттала III Филометора (138–133 гг. до н. э.) [Magnelli, 2010, p. 211–213; Overduin, 2014, p. 10–11; Беликов, 2009, с. 85–86]. Причем более поздняя датировка выглядит предпочтительнее [Magnelli, 2010, p. 213–217; Overduin, 2014, p. 10–11; Scarborough, 2008, p. 147–152]. Ранее считалось, что основным источником для Никандра послужили утраченные трактаты о ядах Аполлодора (предположительно III в. до н. э.) [Schneider, 1856, p. 181–201]. Однако теперь стало очевидно, что работы Аполлодора не были единственными трудами по токсикологии, доступными Никандру, и что его знание медицинской, зоологической и ботанической литературы было глубже, чем предполагалось ранее [Magnelli, 2010, p. 222; Touwaide, 1991, p. 71–75; De Stefani, 2005–2006, p. 57–65]. Поэт начинает свое повествование об опиуме следующим образом:

Καί τε σὺ μῆκωνος κεβληγόνου ὄπλοτε δάκρυ
πίνωσιν, πετύθοιο καθυπνέας...³

О, если бы ты узнал, что когда пьют слезу мака,
имеющего семени в его коробочке, то глубоко засыпают...

¹ К Диоскоридову списку авторитетных авторов, писавших об опиуме, Плиний добавляет Юлла (чьё имя также упоминается в предисловии к *Materia Medica*).

² В *HP IX*, 8–20 Теофрастом предпринимается тщательный анализ медицинских свойств приблизительно 60 растений и лекарственных средств растительного происхождения [Scarborough, 2006, p. 20].

³ Текст приводится по изданию: [Gow, Scholfield, 1953, p. 122].

Обращает на себя внимание глагол, используемый Никандром – πίνωσιν «(они) пьют (в *coni.*)», который свидетельствует о том, что перед применением опиума в качестве яда его растворяли в какой-либо жидкости (вероятно в вине (?)). О точно таком же его употреблении идет речь и во фрагменте Парменона – μήκωνα φάρμακον πίνων. Да и для описания состояния, вызываемого опиумом, употреблено одно и то же, довольно редко употребляемое прилагательное κάθυπνος/κάθυπνής – «глубоко спящий»¹.

Подводя итог, следует отметить, что в IV–III вв. до н. э. опиум считался сомнительным веществом, к использованию которого в медицинских целях тогдашние медики относились негативно. Однако широкую известность он получил в качестве яда. В эллинистическом мире был хорошо известен обычай эвтаназии при помощи опиума, существовавший на Кеосе. Тот факт, что Никандр подробно описывает симптомы передозировки опиумом и способы борьбы с ней, вероятно, свидетельствует о том, что данное вещество часто применялось в качестве яда, поэтому вопросы нейтрализации последствий опиумного отравления были актуальны для его современников. В этой связи становится очевидным, что и Парменон из Византия в своих стихах упоминает не опьянение опиумом, ставшее результатом рекреационного употребления данного вещества, но, скорее, фатальную передозировку.

С потреблением большой группы субстанций, в той или иной мере обладающих психоактивными свойствами (опиум, конопля, алкоголь, табак, чай, кофе и многие другие) связан широкий спектр практик, которые, с современной западной точки зрения, могут быть описаны как религиозные, медицинские и профанные. В обществах, которым доступна не одна такая субстанция, использование этих веществ может распределяться по различным сферам потребления: одни применяются, главным образом, в ритуальном и поэтому ограниченном контексте, другие выполняют медицинские или рекреационные функции [Sherratt, 2007b, p. 15]. Соотнесение какого-либо вещества с одной из этих сфер не является статичным явлением и может меняться. Психоактивное вещество вообще может утратить свое значение и выйти из употребления (как это в недалеком прошлом произошло с растением кава (*piper methysticum* G. Forst) в Полинезии, на смену которому пришла смесь листа бетеля (*piper betle* L.), извести и семян пальмы катеху (*areca catechu* L.) [Sherratt, 2007a, p. 7-8; Brunton, 1989]). Об отношении к опиуму эллинистической медицинской науки уже было сказано выше. Что же касается религиозной сферы, то опиум совершенно точно находил применение в культовых практиках Эгейского мира позднего бронзового века и, весьма вероятно, античного мира I тыс. до н. э. В отношении же «светского» употребления данного вещества до нас не дошло никаких сведений, за исключением того, что оно использовалось в качестве яда (при этом кеосский обычай эвтаназии при помощи болиголова или опиума наверняка мог иметь некие связи с религиозной сферой).

Так было ли известно в эллинистическом мире рекреационное употребление опиума? Дело в том, что различные виды использования психоактивных веществ строятся на трех уровнях: на уровне практического выбора (подбор растения для сбора и приготовления продукта); на уровне опыта² (как использовать субстанцию для получения соответствующего эффекта) и в социальном предназначении акта потребления [Sherratt, 2007b, p. 16]. Различные практики, связанные с потреблением, зачастую отражают различия внутри социума по возрасту, полу или статусу; могут быть символами членства в какой-либо социальной группе и иметь связь с представлениями об исключительной принадлежности к ней. Они также включают в себя элементы демонстративности и формализма, а также предполагают использование различных предметов материальной культуры. Употребить определенную субстанцию определенным способом означает передать некое сообщение для других членов

¹ Не может ли это совпадение в используемой лексике означать, что Парменон и Никандр использовали один и тот же источник?

² Например, в ставшей классической статье “Becoming a Marijuana User” Х. Бекер [Becker, 1953, p. 235–242] отмечает, что индивидуум способен использовать марихуану для получения удовольствия, только если он знает: 1) каким образом следует ее курить для получения соответствующего эффекта; 2) как распознать данный эффект и связывает его с употреблением наркотика; 3) как получать удовольствие от тех ощущений, которые он испытывает.

общества. Широко известны, например, такие общественные практики потребления как греческий симпосий или же полинезийская церемония кава [Sherratt, 2007b, p. 12]. Однако, как мы могли увидеть выше, никаких сведений о том, что опиум применялся греками эллинистического периода в рекреационных целях, не сохранилось. Конечно, учитывая относительную доступность опиума в античном мире и осведомленность греков о психоактивных свойствах некоторых веществ растительного происхождения¹, нельзя отрицать возможности того, что некоторые индивидуумы могли употреблять опиум в рекреационных целях и даже, вероятно, приобретали некоторые формы зависимости от него. Однако даже если подобные практики и существовали, то они были редким и маргинальным явлением, не оставившим никаких следов в дошедших до нас источниках.

Список литературы References

1. Беликов А.М. 2009. Никандр Колофонский и его версия мифа о Милете. Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.). Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, Отечество, 270.
- Belikov A.M. 2009. Nikandr Kolofonskiy i ego versiya mifa o Milete. Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Frenka Uil'yama Uolbanka (Kazan', 9–11 decabrya 2009). Otв. red. O.L. Gabelko. Kazan', Otechestvo, 270. (in Russian)
2. Иванчик А.И. 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, Палограф, 311.
- Ivanchik A.I. 2005. Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya. M., Berlin, Palograf, 311 (in Russian).
3. Becker H.S. 1953. Becoming a Marijuana User. *The American Journal of Sociology*, 59 (3): 235–342.
4. Brunton R. 1989. *The Abandoned Narcotic: Kava and Cultural Instability in Melanesia*. Cambridge, Cambridge University Press, viii + 219.
5. Casaubon I., Schweighäuser I. 1802. *Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas post Isaacum Casaubonum Conscriptit Iohannes Schweighaeuser*. T. III. Animadvers. in lib. V. et VI. Strasbourg, Studiis Societatis Bipontinae, 619.
6. Charlier Ph. 2008. [Rev.] Hillman D.C.A. *Chemical Muse: Drug Use and the Roots of Western Civilization*. N.Y., 2008. Bryn Mawr Classical Review. Available at: <http://bmc.brynmawr.edu/2008/2008-12-29.html>
7. Crusius O. 1892. *Untersuchungen zu Mimiamben des Herondas*. Leipzig, Teubner, 203.
8. Dalby A. 1996. *Siren Feasts: A History of Food and Gastronomy in Greece*. L.; N.Y., Routledge, 320.
9. De Stefani C. 2005–2006. La poesia didascalica di Nicandro: un modello prosastico? *Incontri triestini di filologia classica*, 5: 55–72.
10. Deichgräber K. 1932a. Mnesidemos (2). In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, Metzler. Bd. XV.2. Sp. 2275.
11. Deichgräber K. 1932b. Mnesides. In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, Metzler. Bd. XV.2. Sp. 2275.
12. Di Marco M. 2000. Parmenon. In: *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike*. Hrsg. von H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart, Metzler, Bd. IX. Sp. 343.
13. Diehl E. 1964. *Anthologia Lyrica Graeca*. Fasc. III. Iambourm scriptores. 3-rd ed. Leipzig, Teubner, v + 162.
14. Fraser P.M. 1969. The Career of Erasistratus of Ceos. *Rendiconti. Reale Istituto lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere e scienze morali e storiche*, 103: 518–537
15. Gerhard G.A. 1909. *Phoinix von Kolophon: Texte und Untersuchungen*. Berlin; Leipzig, Teubner, vii + 302.

¹ См., напр.: Thphr. *HP*, IX, 11, 6.

16. Gow A.S.F., Scholfield A.F. 1953. *Nicander: The Poems and Poetical Fragments*. Cambridge, Cambridge University Press, 260.
17. Hillman D.C.A. 2008. *The Chemical Muse: Drug Use and the Roots of Western Civilization*. N.Y., St. Martin's Press, 243.
18. Lachmann C., Meineke A. 1845. *Barbrii fabulae Aesopeae Carolus Lachmannus et amici emendarunt. Ceterorum poetarum choliambi ab Augusto Meinekio collecti et emendati*. Berlin, Impensis Ge. Reimeri, xx + 180.
19. Lloyd G.E.R. 1975. A Note on Erasisstratus of Ceos. *The Journal of Hellenic Studies*, 95: 172–175.
20. Maas P. 1949. *Parmenon (1)*. In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hrsg. von K. Mittelhaus. Stuttgart, Metzler. Bd. XVIII.4. Stuttgart, Sp. 1572.
21. Magnelli E. 2010. *Nicander*. In: *Companion to Hellenistic Literature*. Ed. by J.J. Clauss, M. Cuypers. Chichester, Wiley-Blackwell, 211–223.
22. Meliadó C. 2015. *Mythography*. In: *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. Ed. by F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos. Vol. II, Part 3: *Between Theory and Practice*. Boston; Leiden, Brill, 1057–1089.
23. Merlin M.D. 2003. Archaeological Evidence for the Tradition of Psychoactive Plant Use in the Old World. *Economic Botany*, 57(3): 295–323.
24. Overduin F. 2014. *Nicander of Colophon's Theriaca. A Literary Commentary (Mnemosyne Supplements, 374)*. Boston; Leiden, Brill, XIV, 587.
25. Porucznik J. 2013. The Image of a 'Drunken Scythian' in Greek Tradition. *Proceedings of the 1-st Annual International Interdisciplinary Conference, AIIC 2013, 24–26 April, Azores, Portugal, 710–714*. Available at: <http://eujournal.org/index.php/esj/article/download/1390/1399>
26. Scarborough J. 2008. *Attalus III of Pergamon: Research Toxicologist. Asklepios: Studies on Ancient Medicine (Acta Classica Supplementum, 2)*. Ed. by L. Cilliers. Bloemfontein, V&R Printing Works Ltd, 138–156.
27. Scarborough J. 2006. *Drugs and Drug Lore in the Time of Theophrastus: Folklore, Magic, Botany, Philosophy, and the Rootcutters*. *Acta classica*, 49: 1–29.
28. Scarborough J. 1995. *The Opium Poppy in Hellenistic and Roman Medicine*. In: *Drugs and Narcotics in History*. Ed. by R. Porter, M. Teich. Cambridge, Cambridge University Press, 4–23.
29. Schneider O. 1854. *Nicandrea: Theriaca et Alexipharmaca*. Leipzig, Teubner, 352.
30. Segal C. 1985. *Archaic Choral Lyric*. *The Cambridge History of Classical Literature*. Ed. by P. E. Easterling, B.M.W. Knox. Volume 1: *Greek Literature. Part 1: Early Greek Poetry*. Cambridge, Cambridge University Press, 165–201.
31. Sherratt A. 2007b. *Alcohol and Its Alternatives*. In: *Consuming Habits: Global and Historical Perspectives on How Cultures Define Drugs, 2-nd ed.* Ed. by J. Goodman, P.E. Lovejoy and A. Sherratt. London; N. Y., Routledge, 11–45.
32. Sherratt A. 2007a. *Introduction*. In: *Consuming Habits: Global and Historical Perspectives on How Cultures Define Drugs, 2-nd ed.* Ed. by J. Goodman, P.E. Lovejoy and A. Sherratt. London; N.Y., 1–10.
33. Touwaide A. 1991. *Nicandre, de la science à la poésie. Contribution à l'exégèse de la poésie médicale grecque*. *Aevum*, 65 : 71–75.
34. Venezia L. 2009. *Reliquie Callimachee in Esichio*. *Acme: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano*, 62 (3): 289–306.
35. Von Staden H. 1989. *Hierophilus: the Art of Medicine in Early Alexandria*. Cambridge, Cambridge University Press, 669.
36. Wellmann M. 1894. *Andreas (11)*. In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, Metzler. Bd. I. 2. Sp. 2136–2137.
37. Wellmann M. 1903. *Diagoras (3)*. In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, Metzler. Bd. V.1. Sp. 311.
38. Wellmann M. 1906. *Pedanii Dioscuridis Anazarbei de materia medica libri quinque. Vol. II quo continentur libri IV et V*. Berlin, Weidmann, 255.
39. Zohary D., Hopf M., Weiss E. *Domestication of Plants in the Old World: The Origin and Spread of Domesticated Plants in South-West Asia, Europe, and the Mediterranean Basin*. 4-th Ed. Oxford, Oxford University Press, 251.